

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МНОГОКОНЦЕПТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Основным отличием современного этапа развития исторической науки в России от предыдущего (советского) в историографической литературе считается внедрение в практику исследовательского труда методологического плюрализма³⁴⁴. Известный специалист в области методологии истории Б.Г. Могильницкий в начале 1990-х гг. заметил, что распространялся этот «российский феномен» в исторической науке не эволюционным путем, а стремительно, путем замены тоталитарной методологии (марксизма) «концептуальной анархией»³⁴⁵. Уральские историографы А.Т. Тертышный и А.В. Трофимов в середине 2000-х гг. отмечали, что «современное историографическое пространство представлено не менее чем двадцатью разнообразными концептуальными подходами, объясняющими смысл, ход, особенности российской истории»³⁴⁶. В своей более поздней книге авторы подтвердили это мнение³⁴⁷.

Исследования феномена многоконцептуальности стало объектом рассмотрения специалистов различных отраслей научного знания³⁴⁸. Анализ их выступлений показывает, что в современной науке существует различное понимание многоконцептуальности и самое главное различное отношение к этому феномену. Представители точных и естественных наук воспринимают многоконцептуальность как естественное состояние научного знания. Математик А.И. Смирнов полагает, что «математика по своей сути является многоконцептуальной», ибо существуют различные подходы к «"философии"» математики и эти подходы, реализующие различное понимание математики, достаточно хорошо разработаны формально»³⁴⁹.

Совершенно иное отношение к многоконцептуальности высказывают представители гуманитарных наук. Их мнения можно разделить на две части. Высказывается положительное мнение по поводу использования феномена многоконцептуальности в преподавании истории. Б.В. Личман считает этот феномен незаменимым в современ-

³⁴⁴ См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века. Тюмень, 2004. С. 157.

³⁴⁵ Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 9.

³⁴⁶ Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург, 2005. С. 5.

³⁴⁷ См.: Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Россия: образы прошлого и смыслы настоящего. Екатеринбург, 2012. С. 13.

³⁴⁸ См.: Многоконцептуальность в науке: Мат. междунар. науч. конф., посв. 65-летию проф. Б.В. Личмана. Екатеринбург, 2011.

³⁴⁹ Смирнов А.И. О многоконцептуальности в математике // Многоконцептуальность в науке. С. 84.

ных условиях методом преподавания истории и рекомендует положить его в основу современных учебников. По его словам, «учебники с одной логикой основываются преимущественно на запоминании и повторении знаний в изложении одной теории. В многотеоретическом изучении истории основой является самостоятельное познание на основе осмысления исторических фактов, изложенных в русле нескольких теорий»³⁵⁰. Недостатком такого подхода к преподаванию является понимание студентами относительности научного знания.

Серьезные споры ведутся в гуманитарных науках о возможности применения феномена многоконцептуальности для получения нового знания. Следует заметить, что в современной исторической науке доминирует положительное отношение к многоконцептуальности. А.Т. Тертышный и А.В. Трофимов пишут: «В силу сложности и неоднозначности цивилизационных и социокультурных процессов, происходящих в России, следует признать безусловной заслугой современных исследователей создание такой историографической ситуации, когда наличие плюралистичности подходов, оценок, различных интерпретаций исторического прошлого и настоящего России является нормой, отвечающей потребностям времени»³⁵¹. А.В. Сперанский констатирует: «Анализ имеющихся интерпретаций однозначно показал, что марксизм полностью утратил роль системообразующего начала теоретического осмысления мировой истории и в ее методологическом поле доминирующим фактором стал концептуальный плюрализм, полностью подавивший монистическое восприятие исторического процесса»³⁵².

Некоторые авторы видят в многоконцептуальности больше негативного, чем положительного. По словам юриста А.С. Смыкалина, плюрализм мнений в методологии изучения истории права «лишает ее прочной основы и разработки, и ставит вопрос о создании частных юридических методик изучения истории права»³⁵³.

Признавая наличие феномена многоконцептуальности в современной исторической науке, хотелось бы обратить внимание на особенности его использования в научных исследованиях. Для наглядности выберем одну из наиболее заидеологизированных проблем отечественной истории – историю российских рабочих. Мы уже отмечали, что идеологические споры по этой проблеме, возникшие в дореволюционной историографии, не умолкали в советский период, приводя к

³⁵⁰ Введение // Многоконцептуальная история России. Учебное пособие / Под ред. Б.В. Личмана. Екатеринбург, 2000. Кн. I: С древнейших времен до конца XIX в. С. 5.

³⁵¹ Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Россия... С. 13.

³⁵² Сперанский А.В. Многоконцептуальная история и марксизм: проблемы теоретического осмысления // Многоконцептуальность в науке. С. 88.

³⁵³ Смыкалин А.С. Новые концептуальные подходы в изучении права в современной историко-правовой науке // Многоконцептуальность в науке. С. 84.

гонениям на историков, и продолжают обострять отношения между исследователями в наше время³⁵⁴.

Анализ историографических источников по истории рабочих в России позволяет прийти к выводу, что разброс мнений в современной исторической науке не так уж широк, как это считают авторы, подсчитывающие количество концепций. Автор данной статьи, еще в конце 90-х гг. XX в. отмечал, что основными методологическими парадигмами, с позиций которых после краха марксизма историки стали объяснять отечественную историю, были неомарксистская, либеральная и модернизационная³⁵⁵. По нашему мнению, все множество концепций современной историографии до сих пор в основном укладывается в рамки этих парадигм.

Применительно к изучению рабочей истории это проявляется в том, что представители различных методологических подходов по-разному определяют его роль в жизни страны. Для представителей неомарксистской парадигмы характерен традиционный подход к ее изучению, рассмотрение ее с классовых позиций. Говоря о дореволюционном периоде истории России, Д.В. Гаврилов считает доказанным, что «на Урале – старейшем и крупнейшем промышленном районе страны, несмотря на существование в регионе остатков крепостничества, в конце XIX – начале XX вв. сформировался крупный отряд фабрично-заводского рабочего класса, являвшийся составной частью классовой структуры тогдашнего капиталистического общества»³⁵⁶. И.В. Лаптевская утверждает, что в условиях развития капитализма «социальный облик рабочего Урала как пролетария сохранялся, основным для него оставался заводской труд, а работа на земле – лишь материальной поддержкой его семьи, доход от которой в среднем составлял 15 – 20% в семейном бюджете»³⁵⁷.

Сторонники либеральной парадигмы делают акцент на негативных чертах состава и социального облика дореволюционных рабочих. Н.Н. Алеврас, И.В. Нарский, С.П. Постников, М.А. Фельдман, Ю.В. Коробков рассматривают данный вопрос через призму «оригинального строя» уральской горнозаводской промышленности. По мнению И.В. Нарского, «специфика уральской промышленности не могла не отразиться в социальной сфере в виде замедленной дифференциации населения. Это явление наиболее выпукло отразилось в связи ураль-

³⁵⁴ См.: Камынин В.Д. Проблема «Власть и рабочие Урала в период войн и революций» как историографический феномен // Власть и общество в экстремальных исторических ситуациях: Сб. статей и материалов всероссийской научной конференции (г. Пермь, 17 мая 2013 г.). Пермь, 2013. С. 200 – 204.

³⁵⁵ См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999. С. 99 – 107.

³⁵⁶ Гаврилов Д.В. Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления // Отечественная история. 2007. № 1. С. 157.

³⁵⁷ Лаптевская И.В. Социально-экономическое развитие казенной горнозаводской промышленности Южного Урала периода капитализма (1861 – 1917): Автореф. дис... канд. ист. наук. Курган, 1995. С. 14.

ского рабочего с землей, которая была характерна для российского пролетариата, но более четко проявилась на Урале»³⁵⁸. По словам Н.Н. Алеврас, «ему соответствовал особый тип рабочего, представлявший некий промежуточный социальный субстрат, сформировавшийся в межкультурном аграрно-индустриальном пространстве»³⁵⁹.

Либеральная концепция наиболее отчетливо проявляется при характеристике советских рабочих. В беседе историка М.А. Фельдмана с журналисткой «Уральского рабочего» Т. Курашевой вопрос о роли рабочего класса в истории нашей страны был поставлен следующим образом: поскольку к концу XX в. «вдруг выяснилось, что слухи о смерти капитализма весьма преувеличены, отпевать его еще рано, а социалистические завоевания развалились в одночасье» то «гегемон не стал господствовать. Не по Сеньке оказалась шапка? Или, выполнив историческую миссию, он может уйти?»³⁶⁰.

По словам А.Б. Суслова, деятельность рабочего класса в 1920 – 1930-е гг. можно охарактеризовать термином «рабство», которое является фундаментом тоталитарной системы. Он пишет: «Сужая семантический смысл слова "рабство", рабским можно назвать труд подавляющего большинства советских людей. Многие из них до сих пор ностальгически вспоминают сталинские времена и ни за что не соглашались считать себя "угнетенными", "зависимыми", "рабами". Раб, радующийся своей долей, благословляющий своего хозяина, не замечающий унижения человеческого достоинства – не редкость для мировой истории. Только зашоренность мышления может помешать увидеть, что подавляющее большинство населения Советского Союза оказалось в той или иной степени зависимо от государства». Данный автор считает, что применительно к советской истории невозможно разделить термины «вольнонаемный» и «принудительный» труд. По его мнению, нельзя назвать вольнонаемным «труд рабочих, фактически прикрепленных к своим предприятиям, под угрозой лишения свободы»³⁶¹.

М.А. Фельдман пишет: «В советском (этакратическом) обществе само понятие "рабочий класс" нуждается в уточнении. Поскольку собственность в СССР была национализирована, постольку исчезла и сама база для деления на классы. На первый план в этакратическом обществе выходит этакратический тип стратификации. Согласно данному делению общества, дифференциация между социальными группами проходит, прежде всего, в соответствии с их положением во власт-

³⁵⁸ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995. Ч. I. С. 32.

³⁵⁹ Алеврас Н.Н. «Уральский кризис» в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры // Урал в 1917 – 1923 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 170.

³⁶⁰ Миссия выполнена. Гегемон должен уйти? // Урал. рабочий. 1999. 11 марта.

³⁶¹ См.: Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 3.

но-государственной иерархии». Выделив в составе советских рабочих в 1920 – 1930-е гг. различные социальные слои, пришел к выводу, что «определенную часть рабочего класса России увлек социалистический проект переустройства общества. Данную часть объективно можно рассматривать как одного из носителей модернизации. Без поддержки этого слоя рабочих были бы невозможны те итоги индустриализации, которые можно отнести к позитивным»³⁶².

На формирование либеральной парадигмы в изучении рабочего класса в современной историографии огромное влияние оказала зарубежная историография, которая занималась опровержением тезиса советской историографии о формировании к концу 1930-х гг. социалистического рабочего класса.

По мнению английского историка Д.Ж. Барбера, в основе слов И.В. Сталина о формировании в СССР к середине 1930-х гг. социалистического рабочего класса «лежали два недиалектических допущения. Во-первых, быстрый экономический рост повлек за собой столь же быстрые социальные изменения. Считалось, что создание социалистической экономической системы непременно влекло за собой возникновение нового рабочего класса, качественно превосходящего своего предшественника. И, во-вторых, что это изменение было исключительно однолинейным. Прогрессивным было не только общее направление развития рабочего класса; каждый аспект его надо было изображать как положительный». Автор отмечал, что «влияние этого упрощенного стереотипа оказалось затянувшимся. Оно сказалось на тенденции рассматривать лучшее как типичное для целого, игнорировать негативные явления, которые не подходили под модель непрерывного прогресса, и говорить, что процесс формирования рабочего класса, который по своей природе протекал на протяжении многих лет, завершился будто бы в основных его чертах всего за десятилетие»³⁶³.

М.А. Фельдман делает вывод о том, что «на Урале, как думается и в целом по СССР, возник не тот рабочий класс, на который рассчитывали лидеры СССР. В своей массе рабочие крупной промышленности Урала оказались вне принадлежности к Коммунистической партии. Вне атеизма – по сути, ставшего государственной идеологией. Вне – самого понятия «социалистический рабочий», т.к. упорно держались за личную собственность в городских поселениях, либо, сохраняя связь имуществом родни в деревне»³⁶⁴.

³⁶² Фельдман М.А. Рабочий класс Урала в контексте модернизации в 1990 – 1940 гг. // Урал. ист. вестник. Екатеринбург, 2000. № 5 – 6. С. 357.

³⁶³ Барбер Д.Ж. Рабочий класс в период индустриализации: достижения и провалы советской историографии // История и историки. М., 1995. С. 380.

³⁶⁴ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001. С. 338.

Эта точка зрения коррелирует с мнениями западных исследователей по данному вопросу. Д.Ж. Барбер полагает, что до конца 1930-х гг. существовал ряд факторов, наличие которых не позволяет говорить о формировании в СССР нового рабочего класса. Это – «сохраняющаяся безграмотность или малограмотность большого числа рабочих, сокращение времени на самовоспитание среднего рабочего, сохранение традиционных патриархальных ценностей в семьях рабочих, проблема алкоголизма рабочих, распространение неформальной сети блата для обеспечения жильем, дефицитными товарами и услугами»³⁶⁵.

По мнению историка, причин этого явления было несколько. К ним он относит, в первую очередь, внезапный наплыв в промышленность миллионов бывших крестьян. По поводу их влияния на рабочий класс автор пишет, что «если учитывать трудности адаптации к новой среде, время, необходимое для приобретения навыков и привыкания к дисциплине заводской жизни, плохие условия, в которых жили и работали многие новые рабочие, и чувство отчужденности от советской власти или враждебное отношение к ней, которые многие бывшие крестьяне должны были вынести из перипетий насильственной коллективизации, то чрезвычайно сомнительно, чтобы к 1936 г. стало существовать нечто, напоминающее «совершенно новый рабочий класс»»³⁶⁶.

При этом Д.Ж. Барбер подчеркивает, что перечисленные факторы нельзя «объяснять исключительно притоком миллионов бывших крестьян в ряды рабочего класса». Вторую группу причин он видит именно в социальной политике Советского государства в отношении рабочего класса. Он считает, что необходимо помнить об условиях, «в которых приходилось ассимилироваться новым рабочим, – скорость и масштаб перемещения населения из деревни в город, выход из рядов промышленного рабочего класса многих самых активных и опытных рабочих, постоянное давление на рабочую силу для достижения максимального валового продукта, приоритетное значение, придаваемое правительством экономическим целям за счет социальных»³⁶⁷.

По мнению французского историка А. Безансона, лишенные всякой действительной силы организации, взаимопомощи, прав на достойные заработки, рабочие в СССР вряд ли представляли собой класс, в том смысле, в котором понимала его социология в XIX в. Вместо него существовала профессиональная категория фабрично-заводских рабочих. Взамен советская власть, через систему образования, книги, фильмы, давала иллюзию причастности к великим преобразованиям и воспитывала человека, умеющего находить удовольствие в советской жиз-

³⁶⁵ Барбер Д.Ж. Рабочий класс в период индустриализации. С. 381.

³⁶⁶ Там же. С. 380.

³⁶⁷ Там же. С. 381.

ни³⁶⁸. Вслед за этими мнениями, М.А. Фельдман пишет, что социальный облик советского рабочего лучше объясняет теория социальной стратификации, чем классовая теория. По его словам, понятие «рабочий класс» применительно к первой половине XX в. «правомерно рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную сущность»³⁶⁹.

Таким образом, в изучении истории российских рабочих совершенно четко оппонируют друг другу две методологические парадигмы: неомарксистская и либеральная. При этом оппоненты обмениваются колкостями относительно друг друга, занимаются навешиванием ярлыков. С.П. Постников и М.А. Фельдман считают, что в основе точки зрения Д.В. Гаврилова лежит «отстаивание марксистских тезисов о победе капиталистического уклада в экономике России, наличия в нашей стране объективных предпосылок для социалистической революции»³⁷⁰. Д.В. Гаврилов обвиняет С.П. Постникова и М.А. Фельдмана – поклонников «неоконституционального подхода» – в том, что предложенная ими концепция «ненаучна, составлена формально-бюрократически, искусственна и надуманна, оторвана от реальной жизни, показывает состав рабочих в искаженном, иррациональном виде»³⁷¹.

Хочется особенно остановиться на вопросе о роли модернизационной парадигмы в изучении истории российских рабочих. В ее использовании в российской историографии произошла существенная эволюция. Мы отмечали, что в 90-е гг. XX в. ее приверженцы начали рассматривать теории модернизации как аспект цивилизационного (либерального) подхода к истории. И в настоящее время некоторые либеральные историки пытаются использовать для подтверждения своего мнения модернизационную парадигму. По словам М.А. Фельдмана, модернизационный подход «не ограничивает диапазон причинно-следственных факторов развития и существования рабочих промышленности областью индустриального производства, но включает в него и состояние правовых, социальных и культурных институтов»³⁷².

Однако и приверженцы неомарксистского подхода также апеллируют к модернизационной парадигме. Д.В. Гаврилов пишет: «В современной историографии в качестве основной методологической парадигмы все большее признание получает теория модернизации, кото-

³⁶⁸ См.: Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998. С. 9, 129.

³⁶⁹ Фельдман М.А. Социокультурный облик рабочих уральской промышленности в 1900 – 1917 гг.: историографические проблемы // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006. С. 298.

³⁷⁰ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 12.

³⁷¹ Гаврилов Д.В. Урал 1917 года в освещении историков «неоконституционального подхода» // Индустриальная Россия. Профессорский сб. науч. ст. К 60-летию со дня рожд. д-ра ист. наук, профессора В.В. Запария. Екатеринбург, 2012. С. 151.

³⁷² Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. С. 7.

рая является наиболее надежным инструментом для более глубокого понимания исторического процесса, происходящих в обществе экономических и социально-политических сдвигов»³⁷³.

По наблюдениям современных историографов, в 2000-е гг. модернизационный подход к истории «применяют те исследователи, которые стремятся избежать крайностей неомарксистской и либеральной историографии»³⁷⁴. Мы уже писали о том, что наиболее последовательно отстаивает такой подход к использованию теории модернизации к отечественной истории в целом, и в истории российских рабочих научная школа уральских ученых, созданная академиком РАН В.В. Алексеевым³⁷⁵.

Характеризуя изменения в социальной структуре советского общества в результате «сталинской модернизации», В.В. Алексеев обращает внимание на следующие обстоятельства. По его наблюдениям в результате индустриализации, во-первых, повысилась доля рабочих и служащих в составе населения страны. Он пишет, что если накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, то в 1939 г. их доля увеличилась до 50,2%. Во-вторых, подчеркивает историк, доля рабочих в социальной структуре выросла за эти годы с 12,4 до 33,5%. В-третьих, кардинально изменилось соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. Историк подчеркивает, что город поглотил в эти годы весь естественный прирост населения страны (23,5 млн. чел.). По его подсчетам, за 1929 – 1940 гг. среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 19,6 млн. чел. (36%), а в промышленности и строительстве выросла на 8,9 млн. чел. (в 3,2 раза)³⁷⁶.

В.В. Алексеев указывает и на другие важные изменения, которые затронули социальную сферу советского общества в период «сталинской модернизации». К ним он относит: замену социального критерия сословности на критерий классовых отношений; активное включение широких масс населения в политический процесс; гигантские изменения на поприще культуры, прежде всего, ярко выраженную секуляризацию культурных систем и ценностных ориентации, секуляризацию образования и распространение грамотности и др.³⁷⁷ Историк подчер-

³⁷³ Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Мат. V регион. науч. конф., дек. 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 5.

³⁷⁴ Историография истории России: Учеб. пособие для бакалавров / Под ред. А.А. Чернобаева. 2-е изд. М., 2014. С. 483.

³⁷⁵ См.: Камынин В.Д. Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты). Екатеринбург, 2012. С. 56.

³⁷⁶ См.: Алексеев В.В. Основополагающая тенденция Российской истории XX в. // Урал. ист. вестник. 2001. № 7. С. 10, 8.

³⁷⁷ См.: Алексеев В.В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Урал. ист. вестник. № 5 – 6. С. 99, 100.

кивает, что в СССР в 20 – 30-е гг. «по темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризации образования и распространения грамотности». Число специалистов с высшим и средним специальным образованием (без военнослужащих) в 1929 – 1940 гг. возросло с 521 тыс. чел. до 2,4 млн. чел., т.е. с 4,8 до 7,7% всех рабочих и служащих³⁷⁸.

Автор не идеализирует эти изменения, подчеркивая их «однобокую социалистическую ориентацию» и «узурпацию энтузиазма масс тоталитарной властью»³⁷⁹. К негативным чертам социалистической модернизации он относит то, что она «была сопряжена с массовым ростом неквалифицированного ручного труда. Она в малой степени была ориентирована на массовый выпуск потребительских товаров длительного пользования»³⁸⁰.

Анализ историографических источников по истории рабочих в России показывает, что многоконцептуальность в современной российской исторической науке действительно существует, но ее проявление происходит далеко не так однолинейно, как представляют многие специалисты в области методологии истории. Далеко не все авторы позиционируют свои истинные методологические позиции. Особенно это относится к представителям крайних течений, которые действительно оппонировали друг другу в научных исследованиях. Современные неомарксистские и либеральные авторы предпочитают либо прикрывать свои взгляды как им кажется «нейтральными» с точки зрения идеологии теориями, либо вообще не заявлять о своих теоретических позициях. Однако, как справедливо отмечал английский исследователь К. Поппер, «эти теории неявно содержатся в... терминологии»³⁸¹.

Особенностью современного феномена многоконцептуальности в современной российской историографии является так же то, что он развивается в условиях отсутствия толерантного отношения к чужому мнению. Это приводит к тому, что оппоненты не пытаются воспринять аргументы другой стороны, а традиционно навесить на нее ярлыки, ничего общего с наукой не имеющие.

³⁷⁸ Алексеев В.В. Основополагающая тенденция Российской истории XX в. С. 8.

³⁷⁹ Алексеев В.В. Модернизация и революция в России. С. 99 – 100.

³⁸⁰ Алексеев В.В., Побережников И.В. Волны российских модернизаций // Опыт Российских модернизаций. XVIII – XX века. М., 2000. С. 71.

³⁸¹ Поппер К. Нищета историцизма // Пер. с англ. М., 1993. С. 167.